

скоморох

№ 1

1969 г.

Мы несколько гордимся тем, что за всю безмерно длинную и безмерно однообразную историю человечества, именно нам выпало счастье в первые замолвить пару теплых слов и, так сказать, — почтить память одного из самых человеколюбивых наших предков.

Мы не беремся утверждать: насколько нормально человечество наших дней с точки зрения самого зашуганного психиатра, но что оно всегда было и поныне осталось неблагодарным — это мы можем смело заявить с высоты сей скромной трибуны.

Еще и по наши дни мы с восторгом и пылким усердием продолжаем воздвигать монументы мужам, которые, по-совести сказать, ничем иным не прославились, как, главным образом, искусством загонять на тот свет миллионы ни в чем неповинных людей.

Среди множества подлинных благодетелей человечества, обделенных монументом и памятью потомков, у нас есть предки, рядом с которыми изобретатели пороха и атомных бомб — просто пигмеи.

Воздвигли ли вы памятник тому гениальнейшему из всех гениев, который впервые открыл способ добывать огонь, без которого мы все давно бы вымерли, не познав счастья отведать жареных котлет с луком, стакана чая или воскурения трубки?

Вспомнили ли вы хоть раз добрым словом память величайшего благодетеля рода людского — человека, придумавшего способ из зерен одного дикорастущего злака добывать муку и хлеб? И долго бы вы протянули на свете без плодов сего изобретения?

Точно так же еще ни один из живших и живущих на этой земле не вспомнил добрым словом великого и безымянного благодетеля нашего, жившего, быть может, лет этак сорок тысяч с хвостиком тому назад.

Наверно, он был рыжелобым, мохнатым, подпоясанным драной шкуркой медвежьей. . . С добрыми синими глазами. . . Быть может, слегка кривоногий. . . С веснушками на руках. . .

И человеколюбивое деяние, которое совершил этот неведомый наш великий предок каменного века, наверно, происходило так. . .

Перед огромной пещерой горели костры, освещая дико заросших людей палеолита за их пиром. Племя праздновало удачную охоту на мамонта, громадные куски туши которого дымились на вертелех. . .

В разгар пира, встал наш рыжебородый и кривоногий предок, в драной шкурке медвежьей. . . И посередине круга стал изображать одного из собратьев своих: как тот трусил в охоте и как на карачках бежал от мамонта. . .

И люди палеолита впервые разразились громовым хохотом, отдавшимся эхом в ущельи пещеры. . .

Рыжебородый был первым скоморохом на нашей планете.

Он открыл нечто величайшее — умение заставить людей смеяться!

Мы вечно будем ему за это благодарны.

С тех пор смех стал шествовать по миру, и люди стали им врачевать свои слабости и пороки. . .

Сказание о глупцах из Шильды

Рассказы о немецких «пошехонцах» — шильдбюргерах, сказания о немецком «Городе Глупове» — Шильде, занимают почетное место среди других «отчизн дураков». Колорит Шильды — совершенно особенный, и не похож ни на Абдеру — эллинов, ни на Гальбун — турков, ни на Пошехонье — русских.

В безымянной, подлинно народной литературе, рождающейся среди неведомых сказителей, еще с древности веселые сказки-небылицы о дураках — занимают видное место.

Эта народная литература о глупцах — полна человеческого. Она стремится врачевать смехом и издевкой людскую глупость, которая не так безобидна, как мы предполагаем. История тому свидетель, что затеи глупцов и полоумных, более чем часто, кончаются мощными потоками крови, в которых тонут и дураки и умники.

Безымянные сатирики народные сажают людскую глупость в заповедник — на землю сказочной страны или города, где глупость и распускается во всем своем пышном цветении.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, повествующая о мудрых предках жителей Шильды, и о беде, проистекшей от их ума.

За горами, за дремучими лесами, за синими морями да бурными океанами, стоял на свете маленький городок по имени Шильда.

И хоть городок был и невзрачный на вид, но он завоевал себе некогда славу, более громкую, чем царства столь обширные, что сколько ни скачи на коне — не доскачешь до границ их. Ибо справедливо говорили наши отцы: мал — да удал, с большой горы и малого толку нет, мала блоха — а выше ее не прыгнешь.

Столь шумную славу Шильда снискала себе не войнами иль богатствами, не изделиями ремесел, иль ископаемыми редкостями, — а своим особенным, ни на что не похожим умом и смекалкой.

Прародитель шильдбюргеров был высоко-мудрым и сообразительным человеком, и он позаботился о том, чтобы его дети не остались безмозглыми тварями, умеющими только бегать на четвереньках, да выть из озорства на луну.

Вне сомнения, он был строгий отец, который желал своим детям добра. Неоднократноставлял он их, как верный учитель, мудро чередуя словесность с розгами, и философию — с хорошей оплеухой. И его воспитание принесло величественные плоды. Дети и внуки и правнуки его были так увенчаны добродетелями, что во всем мире никто не мог ни превзойти их, ни даже сравниться с ними.

В те времена мудрые люди были не густо посеяны по белу свету, и было еще редкостью,

Шильда — это одна из мировых оранжерей, где выращивались причудливые цветы глупости.

Сказания о шильдбюргерах — вещь благотворная, особенно в наши дни, когда спасение всего мира заключается в том, чтобы люди хоть немного, наконец, поумнели.

Так как в педантично точном переводе умирает юмор, который непереволим на другой язык, то в переводе немецких «шванков» о шильдбюргерах мне приходилось сплошь и рядом искать образы и выражения совершенно иные, чем в немецком оригинале, дабы передать русскому читателю соль глупости шильдбюргеров.

Полный добрых намерений возможно лучше передать аромат Шильды, я не мог побороть искушения: подняться над переводом и, весьма часто, свободно и широко развить ту или иную тему. Поэтому то, что вы прочтете, является только вольной обработкой рассказов о шильдбюргерах.

Н. Александров

если кого-нибудь называли умным. А уж если кто тогда и слыл за умного, то, действительно, заслуживал того. Это не то что в наше время, когда каждый дурак мнит себя умником; когда один дурак слагает оды уму другого дурака.

И так, год за годом, день за днем, ширилась и текла по всем странам слава о высоком уме людей из Шильды, об их смекалке и редкостной мудрости.

Часто случалось так, что из далеких земель, от царей и королей засылались посольства к шильдбюргерам, чтобы обрести их мудрый совет в самых сложных и запутанных государственных и житейских делах, над разрешением которых непоправимо ломали головы министры да владыки.

И ни одному из посольств не было отказано в спасительном совете, ибо шильдбюргеры были до избытка переполнены мудростью; она была из них ключом, щедро респлескивалась кругом и лилась, лилась через край!..

Сколько тронов, царств и репутаций министров спасла Шильда! Сколько войн и междоусобиц среди народов, партий и супругов было избегнуто благодаря двум-трем золотым словам, привезенным из Шильды в посольском мешке!

И как было тепло и спокойно жить в те дорые времена, зная, что от любой беды, от любых запутанностей можно найти спасение в маленьком мудром городке, где живут всезнающие добрые люди!

Было время, когда повсюду даже вошло в поговорку: «Без Шильды — мы, как без головы и ног!»

Таким путем снискали себе шильдбюргеры во всем свете великое и славное имя, и были одарены серебром, золотом, драгоценными камнями и другими сокровищами в таком изобилии, что некоторые из жителей Шильды даже свиней кормили из серебрянных корыт с легкой позолотой. Ибо в те времена одаренность и ум еще высоко ценились. Не то, что в наши дни, когда, как правило, дураки едят на золоте, а умным часто нечего есть и с оловянных тарелок.

Наконец, дело дошло до того, что князья и властители, которые никак не могли обходиться без шильдбюргеров, сочли слишком обременительным: отправлять каждый день послов в Шильду. Они возжаждали заполучить к своему двору и столу по одному настоящему шильдбюргеру живьем, который мог бы ежечасно разрешать все затруднительные и непосильные для обычного мозга случаи; и из застольных речей коего, как из неиссякаемого источника, можно было черпать ведрами свежайшую мудрость и учиться уму-разуму.

И начали владыки мира улещивать, заманивать, обольщать и тащить в свои царства мужей Шильды!

Сначала один, за ним другой, а там еще один да другой, были приглашены шильдбюргеры в отдаленные страны и покинули свои домашние очаги. Вскоре дошло до того, что в Шильде не осталось ни одного шильдбюргера, и бабы вынуждены были занять все мужские должности. И гарнизонную службу нести, и пахать, и скотину пасти, и пожары гасить, и коней подковывать, и все остальное делать, что больше соответствует тем, кто имеет бороду или хотя бы усы.

Впрочем, находились и такие, которые утверждали, что бабы вначале делали все это не без охоты. И это похоже на правду, ибо многих баб сластями не корми, а дай только напаялить на себя мужские штаны да сапоги.

Но, и поныне мы видим, что как ни старались бы бабы забить в работе мужиков, как бы они ни лезли из кожи вон, — ничего путного у них не получается.

Так случилось и в Шильде. . .

За отсутствием крепкой хозяйственной руки, вся тамошняя жизнь развалилась. Пашни, не слыша больше шагов своего подлинного хозяина, — пришли в запустение. Скотина, которая раньше жирела от одного только хозяйского взора, — стала тощей и одичала. Быки, завидя ярмо, пускали в ход рога и нагло убежали лодырничать в леса. Коровы бодались и не давали себя доить, да и доить-то было нечего. Лошади стали упрямы как ослы, а ослы резвились и прыгали, как телята. Скотина чуяла, что нет больше крепкого хозяина, умеющего владеть и кнутом, и дубиной, и увесистым словом.

Все орудия, утварь и посуда, не будучи ни точимы, ни чинимы — изнашивались. И, что было всего хуже, дети, батраки и девки — совсем отбились от рук, впали в полное неповиновение, слушались только самих себя, и делали все, что им взбредет в голову.

Короче говоря, в то время, как шильдбюргеры в далеких странах считали за честь быть полезными каждому и, не покладая рук, дни и ночи, старались исправить все, что было неисправным на свете (и делали сие не ради денег, а только из неутолимой жажды всеобщего благополучия), но благодаря этому, более чем благородному порыву, — они ввели в полное разорение свою собственную родину. И у них пошло все так, как у того, кто от доброты сердца хочет разборонить двух дерущихся и, под конец, получает на себя все удары.

Так как уже давно известно, что бабы не могут существовать без мужиков, то бабья община Шильды решила собраться скопом, чтобы обсудить вопросы общего блага и грозящей гибели.

На этот совет бабы были собраны грозным и унылым боем барабана, которому вторило страшное мычание одичалой скотины в лесах, да вой собак и детей Шильды. . .

(Продолжение в следующем номере)

Это почти невероятно, сколько тратится в мире духовных сил, чтобы доказать глупости.
Фридрих Геббель

*

Нет ничего отвратительнее на земле, чем необходимость бороться с безрассудством; в сравнении с этим борьба со злом выглядит пустяком.

Фридрих Геббель

*

Любовь является попыткой убрать с дороги природу и рассудок.

*

Если бы каждый человек смог жить так, как он хочет, то никто не смог бы больше жить на земле.

*

Большинство людей становится не умнее, а только старее.

*

Все больше и больше я прихожу к выводу, что глупость является главной причиной гибели наций. Вторая причина — жадность. Себялюбие диктаторов находится уже на третьем месте.

*

Величие не защищает от безрассудства.

*

Мыслители, которые лают — не кусают.

ВЛАДИМИР ПОЛЯКОВ

Две крайности

Перед редактором журнала лежал на столе рассказ писателя Кузякина «Неделя в деревне».

Редактор закурил сигарету и углубился в рукопись.

«НЕДЕЛЯ В ДЕРЕВНЕ»

«Неделя, прожитая мною в деревне «Малые Петушки», подходила к концу. Изба, в которой я жил, принадлежала колхознику Антюпину. Это был худенький, сутулый тракторист с лицом, похожим на великомученика. Печальные карие глаза, маленькая, жиденькая борода, ветхий сермяк.

Над старой, видавшей виды кроватью висел коврик с изображением лебедей. Из-под кровати торчала соха. На столе дымились горячая картошка «в мундире», в тарелках были разложены соленые огурцы, квашеная капуста и помидоры. Бутылка «Московской» украшала стол. Хозяин решил устроить мне проводы.

Жена хозяина, доярка Нюша, в скромном сереньком платочке поверх уложенных в узел волос, корила восьмилетнюю дочку:

— Опять ты, Катька, двойку из школы притащила! Неужто не могла тройку заполучить? И чему ты только там учишься, понимаешь?

Катька сидела на скамье, опустив глаза, и хмыкала носом.

— Учительница придирается, — бубнила она. — Я ей про дважды два все сказала как надоть.

— Чего же ты ей сказала?

— Сказала, что енто будя пять.

— А енто будя четыре.

— Так я ж, маманя, всего на единицу ошиблась.

— Ну, ладно, — сказал хозяин. — Кончайте ваши грандибренди. Давайте долбанем за здоровье писателя. Как говорится, без стопочки не обойтись.

Мы выпили. Хозяин достал из-под кровати гусли и заиграл польку-бабочку.

— Привыкли мы к вам, Петр Петрович, вроде и не знаем, как без вас теперь будем. И зябь подымать чтой-то неохота, и в клуб иттить настроения нет... Тоска без вас заест-загрызет... как говоритца, скукота...»

Редактор отложил рукопись, погасил сигарету, вмяв ее в пепельницу, позвонил секретарше и сурово сказал:

— Вызвать немедленно ко мне Кузякина.

Кузякин приехал через полчаса.

— Что произошло, Виктор Михайлович? — спросил он. — Что-нибудь случилось с рассказом?

— И вы еще спрашиваете?! — зло сказал редактор. — Что вы сочинили? Это же не рассказ, а уголовное дело. Заранее обдуманное преступление. Я не дочитал ваш рассказ. Это невозможно. Как вы изображаете сегодняшних крестьян? Что это за лексика? Что за обстановка? Что это, понимаете ли, за изба, когда в деревнях идет строительство? Что это за старинное, принижающее деревню название «Малые Петушки»? Как вами описан тракторист? А его жена? А дочь? У нас в стране нет безграмотных. А как у вас разговаривают колхозники? Что это за ужин вы выдумали? Обязательно, понимаете ли, водка на столе. Да еще «Московская». Ничего другого, что ли Москва в колхозы не засылает? Девчонка какая-то дефективная, лентяйка... Где вы живете? В каком веке? В какой стране? Я не знаю, что там у вас дальше, но это все надо переделать в корне. Чтобы сегодняшний день был, чтобы были выросшие люди. Неужели вы ничего не увидели, что нужно?

— Я не чужаюсь критики, — сказал Кузякин. — Я считаю, что без нее нельзя. Я переварю все, что вы мне сказали, и исправлю рассказ. Я все понял.

— Идите, — сказал грозно редактор. — И думайте, что вы делаете. Вы назвали рассказ «Неделя в деревне». Оно и видно, что вы там были не больше недели.

Кузякин покинул редакцию и уехал домой работать.

Через день перед редактором лежал новый рассказ.

«МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ»

«Месяц, прожитый мною в деревне «Немалые Петухи», подходил к концу. Высотный дом, в котором я жил, принадлежал колхознику Антюпину. Это был высокий, полный, тракторист с энергичным лицом. Веселые карие глаза, густая, волевая борода.

Над новой, еще не видавшей виды тахтой висел портрет Хемингуэя. На столе дымился бульон-консоме и картофель-пай. На блюдах были разложены дары колхоза — бананы и ананасы. Десять бутылок ацидофилина украшали стол.

Хозяин решил устроить мне проводы.

Жена хозяина, знатная доярка Антонина Геннадиевна, в вечернем нейлоновом платье, в модной прическе, покрытой розовым лаком, не уставала хвалить свою восьмилетнюю дочь.

— Не нарадуюся я на нашу Катеньку. Педагогически приносит из школы пятерки. Как это тебе удастся, доченька?

— Их лерне зер шен, — ответила по-немецки Катя.

— Сэ бьен, — сказал отец, блистая истинно французским прононсом. — И сэ маниофик!

— Йес! — сказала хозяйка.

— Ну что же, — сказал хозяин, — приступим к трапезе. Отметим отъезд нашего дорогого гостя. Кефир, как говорится, кефиром, а дай ты нам, Антонинушка, «Бренди». Иногда можно позволить себе рюмочку.

Мы выпили, и хозяин подсел к роялю. Он исполнил тридцать вторую фугу Баха и прелюдию Гайдна. А потом с блеском сыграл с дочкой в четыре руки сонату Бриттена.

— Прости меня, — сказал он, вскочив из-за рояля, — очень захотелось зябь поднимать! Вынужден вас покинуть. . .»

Дочитав до конца, редактор полез в стол и и долго открывал негнуцимися пальцами коробку с валидолом. Положил таблетку под язык, он показал рукой на дверь. Сказать «Вон!» у него уже не хватило сил. . .

(«Крокодил»)

ДЕСЯТЬ ПРАВИЛ ДЛЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ ТЕАТРОВ И КОНЦЕРТНЫХ ЗАЛОВ

1. НИКОГДА не приходи вовремя, к началу представления, иначе люди могут подумать, что ты бездельник, а не деловой человек. При исполнении увертюры ерзай в кресле и погромче хлопай откидным сиденьем. Этим ты не только облегчишь задачу музыканту, играющему на литаврах, но и внесешь драматическую ноту в монотонную прелюдию.

2. КАК можно чаще наклоняйся к своей жене или спутнице и громко объясняй ей содержание произведения, состав оркестра, имя композитора, чтобы окружающие знали, с каким культурным человеком им выпало счастье сидеть рядом.

3. ПРИ ИСПОЛНЕНИИ арий негромко подпевай. Это придаст уверенность исполнителю и возвысит тебя в глазах соседей.

4. НА КЛАССИЧЕСКИХ пьесах не забывай в наступившей тишине подсказывать актерам известные цитаты. Подумай, что бы произошло, если бы Гамлет, например, рискнул начать свой известный монолог: «Быть или не быть» без подсказки зрительного зала.

5. НА КОНЦЕРТЫ в консерваторию всегда приходи с карманным фонариком и партитурой. Партию рояля громко отстукивай пальцами по спинке кресла.

6. ВПРОЧЕМ, и пассивное наслаждение искусством не должно остаться незамеченным. Откинься на спинку кресла и закрой глаза, отдавшись во власть музыки. Однако внимательно следи, чтобы твое наслаждение не перешло в громкий храп.

7. ПОКУПАЯ шоколадные конфеты, отдавай предпочтение громко хрустящей обертке. Разворачивая конфеты во время концерта, ты обратишь на себя больше внимания, чем любой гениальный виртуоз.

8. В АНТРАКТЕ прогуляйся в буфет. Там собирается большинство зрителей, и это наилучшее место, где ты можешь громко, не стесняясь, заявить о том, что ты слышал эту оперу в гораздо лучшем исполнении.

9. НА КОНЦЕРТАХ знаменитых певцов не жалея аплодисментов. Уважающий себя человек не перестанет вызывать певца на бис до тех пор, пока тот не сорвет голоса.

10. ТОЛЬКО профаны ждут последней реплики героя или заключительного аккорда симфонии. Ты же смело выходи из зала. После бега с препятствиями к гардеробу, работай локтями с такой силой, чтобы доказать всему миру, что и последний может быть первым.

Следуй этим правилам, и тогда ты будешь по праву считаться заядлым театралом и знатоком музыки.

ЭРИХ СОЙКА

(Перевод с немецкого)

«Господин знахарь! Не могли бы вы дать нам совет: как лечить этого пациента?»

(«ТЭ-ЦЭТ» — ФРГ)

Восьмилетняя рассказывает о своем переживании в больнице, когда ей оперировали гланды:

«Как только я очутилась в огромном зале, там я увидела двух святых женщин в белом одеянии. Затем ко мне подошел Ангел, тоже белоснежный, заглянул мне в горло и сказал:

— Бог ты мой! Поглядите на гланды этого дитяти!

Тогда подошел сам Бог, тоже в белоснежных ризах и с бородой. Заглянул мне в рот и молвил:

— Это мы сейчас же удалим! . . .»

Н. ГОРЧАКОВ

Есть вещи по-страшнее берберских львов

Цирк, приехавший к нам, был таким же захудалым, как и наш городок. . .

Так утверждаю я сейчас, когда у меня уже торчат седые волосы на висках. Но тогда мне было только шестнадцать лет и, вполне вероятно, что я был ближе к истине, считая наш городок — самым лучшим, что можно было сотворить на земле, смешав каштаны, тенистые и благоуханные сады, кроткие дома, южное солнце и добродушных людей — в нечто целое, весьма милое и веселое.

Что касается бродячего цирка, захавшего к нам на склоне лета, то я воспринял его как волшебство.

И кто знает, быть может, подлинный мир скорее можно увидеть глазами зеленого юноши, чем сквозь те очки, которые я сейчас ношу. Мне окончательно не нравится тот мир, который я сейчас созерцаю. Не то теперь стали делать очень плохие очки, не то я, не то мир стал из рук вон плох. . .

Нет ничего унылее того, что рождается сегодня в моем мозгу при словах: бродячий цирк! . . . Обязательно, старый, грязный и залатанный брезент, из которого выпирают кости подпорок. Замызганные домики на колесах, где живут толстые и неопрятные жены клоунов; и где обрюзгшие «гладиаторы», «люди без костей» и «люди без страха и нервов» мрачно хлещут спирт, слегка разбавленный водой, но без всякой закуски. Темные опилки манежа и темный навоз темных и скучных лошадей, которые несносно долго кружатся под бичом человека в мятом фраке и с измятым жизнью лицом. . .

Холодная печаль наполняет мне грудь от сознания: как оскорбительно и мрачно стали видеть мои глаза мир. . .

В шестнадцать лет мир еще казался мне громаждением тайн, как ночной лес, по которому бредешь с колотящимся сердцем; как берег неведомого острова, где на каждом шагу тебя ждут зарытые сокровища или свист отравленной стрелы. . .

На темной ярмарочной площади стояла эта пещера чудес. . .

Внутри ее был свет, и какие-то странные тени вырисовывались на просвечиваемом холсте купола. Там, внутри, слышалась рывкающая музыка. Она казалась не то рычанием неведомых хищников, не то клокотанием огромного котла, из которого поднимаются клубы пара, превращаясь в тени исполинов, ползущих по просвечиваемому куполу цирка.

Даже фонарь у входа горел каким-то слишком зловещим лиловым светом. Вход в пещеру стерегла нарумяненная ведьма. И при свете фонаря ее румяна казались черными, а улыбка ее нагоняла дрожь. В то волшебство, которое клубилось за черным занавесом входа, можно было погрузиться, если ведьма оторвет корешок билета, яркого, как голубое пламя глаза. . .

Бродячий цирк был для меня — миром наоборот. Артисты паписто казались мне выходцами с какой-то иной планеты, где люди носят на теле изумрудную и золотую, сияющую чешую; где вместо хлеба пожирают стальные мечи и ножи, и где зимой изо ртов струится не пар — а красный пламень с черным чадом. . .

Цирк меня пленил тем, что там все было совершенно и окончательно не так, как в нашем тихом городке, утонувшем среди каштанов. Очень серьезные люди долго стояли на головах и ходили на руках. В насквозь пустых ящиках, ведрах и шкатулках, вдруг, зарождались лилипуты, золотые монеты, кролики и цветы. Красивые юноши и девушки, искрясь серебром своих трико, летали по воздуху, как сказочные птицы и исполинские бабочки. Все были там одеты не в унылые серые и черные тряпки, как одевались мы, а носили такие нестерпимо яркие наряды, что я от боли закрывал глаза. . .

Особенно странным мне показался этот мир цирка своим беспощадным отношением к самой прекрасной части человеческого тела — лицу и голове. . . На голове там ходили по пыльным коврам. На лбу, носу, губах — держали лестницы, шары, столбы, чужие грязные подметки и разную утварь. Там очень часто по лицу и голове сыпались такие удары, которые способны были отправить к праотцам любую лошадь. Но, получившие эти ужасные оплеухи, — не жаловались, не плакали, не звали городских, а радостно вскакивали на ноги, не уронив на опилки манежа ни одной слезы, ни одного выбитого зуба или жалобы. И они казались мне сверх-людьми. . .

Я был пленен этим сказочным миром под серым брезентовым небом, где все было не так, как в нашем городе. Хотя, в первый же вечер, этот цирк принес мне много страданий...

Чтобы купить два билета и пойти туда вместе с Дамой Моего Сердца — гимназисткой шестого класса Нелли, — мне пришлось отдать букинисту целую гору учебников, кото-

рые могли мне пригодиться, хотя бы потому, что до экзаменов оставалось немного времени, и я не успел прочесть тех учебников до конца, вследствие чего в моем образовании до сих пор зияют дыры.

Она сидела рядом со мной, с волосами темной, красной меди, с очень бледным и неслыханно красивым лицом. Она изредка опускала свою руку цвета водяной лилии в мой кулак с карамелью. И смотрела на меня так, что мне казалось, будто карамель тает в моем рту в силу того, что я таю сам, целиком, включая сердце и руки в веснушках.

Когда акробат поставил две ножки стула на качающуюся под куполом цирка трапецию и стал усаживаться на него, Нелли так впиалась белыми пальцами в мою руку, что я почувствовал: еще секунда — и сорвется не акробат, а мое сердце. . . В огненном костюме он сидел на серебрянном стуле в вышине, чуть взмахивал распростертыми руками, трапеция качалась, все быстрее билось мое сердце, и я чувствовал, как белая пахучая прохлада пальцев Нелли растворяется в жилах моей руки и течет в сердце. . .

Это блаженство подле Нелли длилось до того мига, пока не установили в манеже ограду из железных прутьев, зажгли еще ярче свет и, со страшными криками, ударами бревен и кнутов, загнали в нее двух львов и одного укротителя в голубом костюме. С той минуты, как этот неустрашимый человек подкрутил черные кольца своих усов и небрежно разрешил львам перепрыгивать через него, — я перестал существовать для Нелли. Она больше и не слышала, и не видела меня, и не цеплялась за мою руку в самые страшные минуты. Она вся впиалась в голубую венгерку с желтыми кантами. . .

Да, это был мужчина и герой! . . Что я был рядом с ним? . . Пределом храбрости, которой я когда-то блистал перед Нелли, было: на самой середине пруда раскачивать лодку, в которой мы сидели с ней. Заставлять Нелли визжать от страха, а самому героически посмеиваться над чудовищной опасностью: очутиться в воде на самой середине пруда! . .

Но, кричать на кровожадных звериных царей, заставлять их мановением стека садиться на тумбы; улыбаясь, нахально разгуливать в одной клетке с этими, рычащими и жаждущими человеческого мяса чудовищами — этого мне было не дано.

Нелли пожирала его взором. У нее горели щеки и сверкали глаза. И мне казалось, что усатому и бесстрашному мужчине в голубой венгерке стоило только кивнуть стеком, и Нелли пошла бы за ним на край света. . .

Никогда еще я не чувствовал себя таким жалким, впалогрудым и некрасивым! Никогда я еще так не мял потные ладони, как

глядя на этого великолепного храбреца, который сводил с ума Нелли.

Она так хлопала в ладоши, что у меня до боли звенело в ушах. Она кричала «браво!», вопила «браво, Монтанелли!», ибо так звали этого героя.

Как только кончилось представление, она сорвалась и побежала, не сказав ни единого слова мне, кормившего ее карамелью. Я ее чуть не потерял в толпе выходящих. Она так бежала, словно решила кинуться навеки в объятия укротителя львов. Я ее настиг на улице, когда она уже сворачивала к вагончикам цирковых артистов, и молча схватил за руку. Она обернулась. Лицо ее было бледным, чужим и злым. Она поморщилась от боли, и вскрикнула: «Ну, что это еще такое?!» . . .

«Нелли, нам надо идти домой», — сказал я с какой-то противной примесью слезы в голосе.

Я ее молил. Я ее тянул за руку. Я не пускал ее. Я ее стыдил.

Но она твердила, что хочет увидеть Монтанелли вблизи, познакомиться с ним и попросить его фотографическую карточку.

Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что у меня тогда была пронзительная боль в сердце и стояли слезы на глазах, когда я молил ее не бросаться в пасть этому опасному укротителю львов и совратителю женщин. Она была неумолима и становилась все злее. Она ударила меня больно по лицу, вырвалась и побежала среди вагончиков. . .

Это была самая жестокая боль моей юности: образ стройной и любимой девушки в белом платье, перехваченном черным лаковым купачком, которая навеки убегает к бесстрашному укротителю львов! . .

Я бежал за ней. Жгуче горела щека, по которой она меня ударила, и по горячему ползла слеза. Я слышал, как она спросила: «Где уборная артиста Монтанелли?». И ей показали на желтый вагончик, освещенный изнутри лампой, и стоявший среди двух клеток для львов. Я хотел схватить ее, или упасть и загородить своим телом вход к этому укротителю хищников и пожирателю женщин, и мы очутились одновременно у самой лестнички вагона. . . Изнутри неся истощенный бабий крик. . .

«Где?! Где, я тебя спрашиваю, скотина, тот аванс, который ты получил утром от директора?! . . Ты спустил все, грязный подлец!!», — нечеловечески вопила страшная, пожилая и распатланная баба, и била ножищами валявшегося на полу жалкого «Монтанелли» в разорванной голубой венгерке. . .

Это было так ужасно, что мы с Нелли отпатнулись в тень. И хорошо сделали, ибо кто-то крикнул за вагончиком: «Будете перегонять на ночь в клетки? Долго мне ждать-

то?!» И ведьма появилась в дверях.

«Грязная падаль!» — прорычала она на избитого мужа, и пошла к клетке, где сидели те страшные берберские львы, от изображения которых на афишах — стыла кровь у всех жителей нашего городка.

С бранью и грохотом, баба распахнула клетку, и Нелли, ахнув, юркнула за мою спину и вцепилась рукой в плечо... У меня появился лед где-то под пряжкой гимназического кушака, когда я увидел в нескольких шагах перед собой разверзтую дверь клетки и выходящих из нее львов...

Пожилая баба с чертыханьем дала львице такой удар по морде, что та жалобно мяукнула и трусливо прижалась к земле. Баба пхнула ногой ей в бок, дала два еще более беспощадных пинка по задку самого льва, и загнала «царей пустыни» в другую клетку, как старых и трусливых собак... И ругалась, как ругаются у нас бабы на дворняжек подле своих изб...

Мы медленно и молча возвращались домой. Городок уже спал. Луна светила так, что казалось будто ее сияние забивает в ноздри и как белая влага стекает по лицу.

Не знаю о чем думала тогда Нелли. Но я был полон грустных размышлений о том, что в мире кроется обман и гадость, если распатланые старые бабы — страшнее берберских львов. Он призрачен и неверен этот мир, в котором любимейшая девушка может бросить тебя и побежать за голубой венгеркой с желтыми кантами. Что любовь таит в себе много страданий. Что нужно быть бесстрашным и мужественным, хотя бы для того, чтобы никогда не плакать...

Я думал также о том: даст ли мне отец пошее за поздний приход? И сколько подзатыльников получит сегодня от матери Дама Моего Сердца?..

Она шла рядом, притихшая, еще более бледная, и еще более прекрасная... Вдруг, прижала к себе мою руку и чуть прислонила щеку к моему плечу. И в эту минуту я понял, что в отчаянном раскачивании белой лодки на середине нашего тихого пруда — есть, все-таки, нечто такое — перед чем трудно устоять сердцу робкой девушки...

ПОДАРОК

Один молодой писатель, первый роман которого только что вышел в свет, получил от восторженного читателя из провинции бутылку превосходного, выдержанного коньяка.

Через несколько дней к дарителю пришло такое письмо:

«Многоуважаемый господин!

Ваш подарок весьма обрадовал меня. Я тотчас же сел за машинку, чтобы написать Вам эти строчки и одновременно, глоток за глотком, наслаждаюсь чудесным напитком. Должен Вам признаться, такого отличного на-

питка я еще не пил. Поистине Ваш коньяк — это чрезвычайно редкий дар природы и чем больше от него отпиваешь, тем он побольше опьяняет. Вы не ожете се представить, какую колысальную адость он мне доскавил. И хотя гололова умения все теже лей, и ружжиться, разрешитте от всего ерца фыв рождж мемемеме цгс гау ититл челбу $\%: 1/2 = + \%$! ббббб...

СОВЕТ ВОЛЬТЕРА

Один молодой писатель читал Вольтеру свою вещь. Когда он, наконец, закончил, Вольтер сказал ему:

«Молодой человек, нечто подобное вы можете начать писать только тогда, когда вы станете знаменитостью. До той же поры, ваши сочинения должны быть хорошими».

КОГДА ВИКТОР ГЮГО ПОНЯЛ, ЧТО ОН ЗНАМЕНИТ?

Старика Виктора Гюго как-то спросили: в какой момент своей жизни он обрел ярчайшее подтверждение тому, что он стал знаменитым?

Гюго призадумался на мгновение, а потом рассказал следующее:

«В одну из ночей я вернулся из театра домой. Несмотря на мои грозные звонки, консьержка не открывала входную дверь. В ожидании, меня охватила известная нужда и... я облегчил себя против стены дома. В этот момент мимо проходил какой-то пожилой рабочий с лопатой на плече. Завидя меня, он укоризненно окликнул: «Ах ты, старая свинья! Тебе не стыдно? Именно здесь, перед домом Виктора Гюго?..»

ВСЯКАЯ ПРОФЕССИЯ ИМЕЕТ СТЕПЕНИ

В руанском суде разбиралось дело, по которому свидетелями были вызваны Александр Дюма и несколько парижских артистов.

«Ваша профессия?» — спрашивает Дюма председатель.

«Драматический писатель, если я смею себя так назвать на родине Корнелля.»

«Всякая профессия имеет степени» — сухо возразил председатель.

Этот ответ очень не понравился артистам, среди которых Дюма пользовался большой популярностью, и когда очередь дошла до свидетельницы молодой артистки, на вопрос о ее семейном положении, она ответила:

«Дева! Если я смею назвать себя так там, где сожгли Орлеанскую Деву».

БЕТХОВЕН И САМОУВЕРЕННЫЙ ПИАНИСТ

Один молодой человек, который был весьма уверен в своей одаренности, решил стать учеником Бетховена.

Он должен был исполнить перед маэстро пиесу по своему выбору. По окончании, Бетховен сказал:

«Вы должны еще дольше играть. Играть до тех пор, пока вы окончательно не убедитесь в том, что вы еще ничего не умеете.»

Рассказы о веселом Ходже Насреддине

О ТОМ, КАК НА ХОДЖУ НАСРЕДДИНА СНИЗОШЛО ВДОХНОВЕНИЕ

Блажен тот смертный, кому Аллах посылает вдохновение и дар создавать из пустых звуков видения, радующие наши сердца!

Стены городов разрушит время и враги; падет высокая чинара от гнили и старости; доброго коня съедят черви; пыль людского праха унавозит поля.

Но рубаи вдохновенного поэта — все переживут. . .

Насреддин вскочил среди глубокой ночи и завопил:

«Жена, вставай скорей! Зажги свет и дай мне перо. На меня снизошло вдохновение! Я буду писать стихи.»

Перепуганная жена исполнила все.

Насреддин нацарапал пером:

«На красном дереве сидит зеленая птичка с желтым глазом. . .»

Прочел это жене, и сказал:

«Вот и все, женушка. Теперь можно и спать. . .»

И погасили огонь.

ПАША И СОБАКА

В те лихие дни, когда Тимурленг обаграл землю кровью войны, шел Насреддин по дороге и встретил, обвешенного оружием пашу на коне и паршивую собаку, робко пробирающуюся по обочине.

Насреддин повернулся спиной к паше и смиренно пал ниц перед шелудивой собакой, приветствуя ее.

Паша остолбенел поначалу, а потом велел Насреддину подойти к коню.

«Ты почему это, полоумный, падаешь ниц перед собакой?!»

«Эх, визир! По сравнению с тобой, собака — ангел. Ведь, подумай только, она никого не убила, не знает что такое ятаган, и не ведет войн! . . .»

САМЫЙ ВЕЛИКИЙ МАЛЯР

Ходжа Насреддин терпеть не мог, когда его кто-нибудь начинал хвалить. В таких случаях он всегда вспоминал об одной своей глупости в прошлом.

То было в далекой молодости его. Ему и пятидесяти лет тогда не было. . . Чтобы добыть себе кусок хлеба, не погордился он взяться за пахотное ремесло маляра. Брал он за свой труд дешевле других маляров, и все хвалили его.

Все твердили: «Насреддин выкрасит — любо смотреть!», «У Насреддина — руки золотые! . . Сам Аллах водит его кистью!»

Говорили, что лучше его никто не красит в городе. А другие добавляли, что, пожалуй, и во всей Анатолии не найти такого расчудесного маляра. И нашлись даже такие языки, которые утверждали, что Насреддин — лучший маляр среди всех мусульман, что он все может, все выкрасит. . .

Ну, и захвалили Насреддина до того, что он однажды взял да и выкрасил свою бороду в зеленый цвет. . .

Почему именно бороду, и почему в зеленый цвет? — так никто и не узнал.

Лесть — ядовитое зелье. Надышишься ее губительного курения — и дураком, и безумным станешь.

Сам шайтан придумал лесть! . .

О ТУФЛЯХ, КОТОРЫМ НЕТ ИЗНОСУ

Э то случилось еще тогда, когда Насреддин только что вернулся из паломничества в Мекку и Медину. Ему только-только стукнуло шестьдесят лет, а, следовательно, был он еще молод. Ибо в доброе старое время люди жили упрямо и долго, и столетние мужи кричали на семидесятилетних: «Эй ты, молодкосос! Помолчи-ка и послушай взрослых!..»

Все соседи корили Насреддина: «Эх, Насреддин, Насреддин!.. Все тебе Аллах дал, и красоту, и молодость, и ум, и чалму ходжи, но все-таки, ты не человек — а только половина человека, ибо нет у тебя жены, и некому в холодной сакле вздуть огонь вечером в мангале...»

И очень печалился Насреддин от таких слов соседей, ибо никто ему не вздувал огня в одинокой сакле.

Изменила ему мудрость, забыл он золотые слова отцов наших о том, что избавляясь от блох, нельзя швырять рубаху в огонь, и взял он себе в жены Фатьму.

Была Фатьма тогда молода, усердна и требовательна в любви и ленива так, что день и ночь не вставала с постели. И огонь в мангале вздувал сам Насреддин.

Однажды лентяйка наказала ходже: пойти к сапожнику и купить ей сафьяновые туфельки.

Насреддин покорно поплелся и вернулся, держа туфли в руках.

Его гурия разглядела туфли и завопила:

«Ты из ума выжил, мой рыжий осел?! Ты мне купил туфли не из сафьяна — а из бумаги?!..»

«Ничего, ничего, моя нежная голубка. Твои ноги так часто задраны к звездам, и так редко касаются презренной земли, что ты и эти бумажные туфли не скоро износишь...»

КАК ФАТЬМА ПОКУПАЛА КУРДСКИЙ КОВЕР

Как-то, Фатьма объявила ходже, что они должны позвать гостей на баклаву, и добавила:

«Не ворчи, радость очей моих. Ты думаешь: гости—это разорение дому... Нет, гости—это прибыль дому. Каждый из них съест по две баклавы, но зато мы у каждого будем два года через день угощаться. Десять гостей и, глядишь, двадцать лет пропитания нам обеспечено. Не так ли, мой барашек сладкий?»

Насреддин был убежден таким простым и ясным подсчетом будущих прибылей.

«Хорошо, птичка мудрая, делай, как тебе угодно.»

А так как у них в сакле было пустым-пусто, и глаз веселило только то, что по глиняному полу прыгали большие, как кузнечики, блохи, то посему Фатьма приказала мужу: зара-

ботать денег, если уж не на текинский или хоросанский ковер, то хоть на самый дешевой — курдский. — «А то гости заплачут от вида нашей бедности и, не отведав баклавы, рыдая, убегут прочь...»

Образ с рыданием убегающих из его дома гостей — сильно подействовал на ходжу. Он пошел, нанялся на хлопок к одному бею, неделю гнул спину, и принес денег.

Взяв деньги, Фатьма рысью побежала на базар.

Вернулась она к вечеру, и на ней было надето такое пестрое платье, что ходжа даже зажмурил глаза, а дочка — Айше заплакала от испуга.

«Ну, а где же ковер, змея моя пятнистая?»

«Ах, мой голубок златокрылый, когда я покажусь гостям в таком платье, они, или не смогут оторвать от меня глаз, или так ослепнут, что не заметят: есть ли у нас, или нет у нас ковров...»

Многие люди продают свои души и живут со спокойной совестью на вырученное.

*

Тайна скуки — это все высказать.

Вольтер

*

Надо предостерегать ораторов, выступающих на актах по случаю окончания средних школ, чтобы они не пугали молодых людей заявлениями: будто им принадлежит весь мир.

*

Щепотка «вероятно» столько же стоит, что и фунт «может быть».

*

Если не считать курения и тотализаторов, то можно с удивлением констатировать, что почти все развлечения англичанина могут быть разделяемы его псом, и, действительно, разделяются.

Бернард Шоу

*

Это — чепуха, будто англичане не умеют ценить музыку! Быть может, они ее не понимают, но во всяком случае они любят шум.

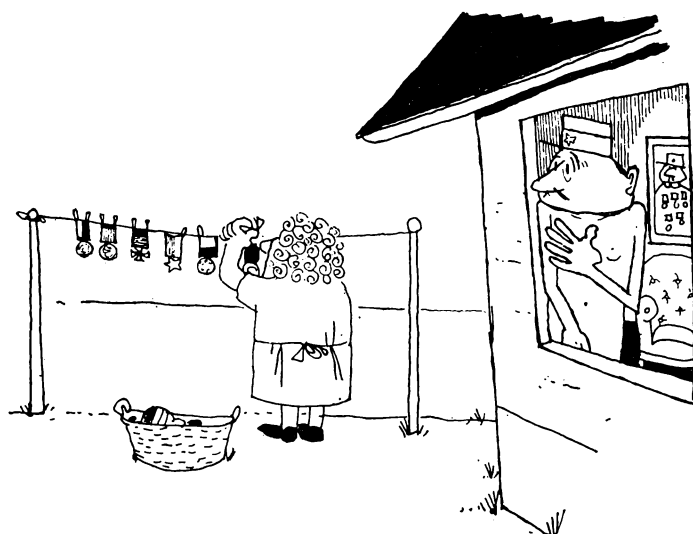
Сэр Томас Векам

*

Число плохих людей не так мало, как это принято считать. Даже между двенадцатью апостолами был один подлец. А это, как никак, уже восемь процентов!

*

Международная дипломатия похожа на модернистское искусство. Если кто-то и думает, что тут дело идет только о шутке, должен делать вид, что он принимает все всерьез.

(«Зюддейтше Цайтунг»)

САРКАЗМЫ КОМПОЗИТОРА БРАМСА

Композитор Брамс в своей критике был в такой же мере беспощадным, как и саркастическим.

Однажды друг его детства (который «тоже» сочинял музыку) в поте лица своего играл ему свой опус.

Брамс слушал, иногда покачивая головой. Под конец, он пощупал последнюю страницу нот и спросил:

«Скажи, пожалуйста, где ты покупал такую чудную нотную бумагу?»

Когда одна нескромная молодая дама спросила Брамса: почему он не женится? — тот ответил:

«Еще ни одна не пожелала выйти за меня замуж... А если бы и нашлась такая, то я бы не женился на ней... из-за ее скверного вкуса в выборе...»

СКРИПКА ПРОСИТ ИЗВИНЕНИЯ

Знаменитый скрипач-виртуоз Крейслер был однажды приглашен на ужин к весьма богатым людям, причем в приглашении было сказано, чтобы он захватил с собой и скрипку.

Эта приписка весьма плохо настроила скрипача. Он написал письмо:

«Я-то охотно явлюсь, и весьма благодарен за Ваше любезное приглашение. Но моя скрипка просит у Вас извинения. Она не ужинает.»

ГАМЛЕТ НЕ БЫЛ СУМАСШЕДШИМ

Иозеф Кайнц — один из великих немецких актеров — получил однажды предложение от директора театра в маленьком городе — дать у него гастроль в роли Гамлета. В виде гонорара Кайнцу было предложено двадцать марок.

Кайнц ответил директору вежливым письмом:

«Уже в интересах роли я вынужден отклонить Ваше предложение, ибо недопустимо,

чтобы Гамлет был на самом деле сумасшедшим...»

★

В то лето стояла несносная жара. От духоты упал без чувств на улице один бродяга. Вокруг него собралась толпа и со всех сторон посылались советы. Одна маленькая старушка крикнула:

«Дайте бедному человеку коньяку!»

«Расстегните грудь, чтобы ему легче было дышать!» — кричал мужчина.

«Дайте ему коньяку!» — настаивала старая дама.

«Вызовите карету скорой помощи!»

«Дайте ему коньяку!»

«Нет здесь поблизости врача?»

Тогда бродяга гаркнул: «Заткните глотки и слушайте старой дамы!!...»

★

За ужином психиатр рассказывает своей жене:

«Сегодня приходит ко мне один и утверждает, что у него в животе телефон...»

«Смешной комплекс! Ты, надеюсь, освободил от него пациента?»

«Еще нет. Я отложил до завтра, ибо ему предстоят еще два важных телефонных разговора...»

★

Трое носильщиков, вылутив от натуги глаза на лоб, тащат на четвертый этаж рояль. Когда, наконец, они туда взобрались и, утирая пот, отдышались, один из них говорит другому: «Ну, Густав, что ты теперь скажешь о Бетховене?»

★

В одном местечке в Техасе, новоприезжий спрашивает старожилу: «Ну, а как здесь в отношении здоровья населения?» — «Чудесно, совершенно замечательно!.. Когда здесь разбили кладбище, то чтобы оно не пустовало, пришлось одного ветхого старика подстрелить...»

МОРИОТЕКА

Милостивые государыни и милостивые государи!

Почти все мы находимся в цепях одного заблуждения: мы полагаем, что глупость, абсурд, чепуха и несусветица — явления отрицательные.

Мы ревностно уличаем в них ближних, всю жизнь мы суетливо ищем возможности из кого-то «выбить дурь», разоблачить абсурд, рассеять чепуху и рьяно боремся со всеми несусветицами и заблуждениями.

В этой возвышенной суете мы забываем, что всякая борьба с убеждениями другого человека — чревата опасностями. Сначала мы пламенно уличаем другого в глупых заблуждениях, затем, во что бы то ни стало, хотим внушить ему истину, которой, якобы, мы владеем; а дальше, легко и незаметно, соскальзываем на широкий, хорошо утопанный вооруженными бандами, столбовой путь нашего века.

Что касается меня, то я бесконечно благодарен Всевышнему за то, что Он, вместе с утренней росой, прибоем моря и восходом солнца, создал на земле и глупость, и заблуждения, и абсурд!

Глупость — бесценный дар, ибо она способна рождать улыбку и смех!

Заблуждения, чепуха, абсурд, нелепости, дикие глупости и несуразные идеи — украшают наш бедный мир, как причудливые цветы.

Подле них должны были бы стоять те охранительные дощечки, которые можно видеть в любом хорошем парке любого приличного городка: «Топтать газон и срывать цветы — строго запрещено!»

Заблуждения и глупости являются своеобразной оппозицией этому смертельно скучному миру точной механики, точных расчетов и беспощадной политики.

Со всей страстью подлинного человеколюбия, мы должны начать охрану глупцов и ошибающихся. Подобно тому, как объявляют заповедными некоторые лесные массивы (ибо истребление их может лишить нас влаги), мы должны оберегать последние источники улыбки и смеха. Иначе мы все до единого выйдем от смертной скуки, исходящей из зданий правительств и академий.

Я не только не буду поражен тем, что в наши дни может появиться «Лига защиты глупцов и чудаков», но даже поспешу одним из первых вступить в ряды этой человеколюбивой организации.

Дурак!.. Откровенно признаться, я отношусь с пылкой симпатией к дуракам. Дурак

— это, просто, прелесть что такое! Дураки сильно скрапивают наше весьма недолгое пребывание на этой, весьма унылой земле. Уверяю вас, мы бы все стихийно передохли от тоски, как какие-нибудь там диплодоки, если бы наша планета была сплошь заселена одними умниками и мудрецами! Дурак, это, все-таки, причудливый и веселый цветок на однообразной равнине.

Не плюйте на дураков! Дурак необходим, как воздух.

Прежде всего, дурак порождает улыбку, смех, а часто и гомерический хохот. И этим уже он велик, ибо что может быть прекраснее человеческого свойства — улыбаться и хохотать?

Исчезновение с лица земли дураков под грубым натиском просвещения — было бы стихийным бедствием для всего человечества. Ликвидация дураков, как класса, привела бы к беспримерной катастрофе не только в культуре (исчезла бы юмористика, анекдоты, театральные и фильмовые комедии, завяла бы вся литература и т. д.), но и в области экономики. Да, да, не путайте! Ибо несчетное множество обитателей нашей планеты кормят себя и своих домочадцев заработками на глупости людской. Не хватит ни места, ни времени перечислить все те профессии и промыслы, которые разрабатывают дурака, как изобильный золотиносный прииск.

Как-то теплее и уютнее жить, зная, что не сегодня, так завтра встретишь или услышишь где-нибудь балду, посмеешься вдоволь, порадуешь и душу и сердце! Неуклюжий и милый дурак! Ты очень человечен, как улыбка, как дар любви и милосердия...

Когда меня кто-нибудь спрашивает: «чем вы занимаетесь?», я скромно отвечаю — «Глупостями». И никто решительно не догадывается, что это не приятная скромность — а сухая точность...

Я, действительно, ничем иным не занимаюсь, кроме собирания и классификации людской глупости. Я ее добываю, подчас, тяжелым трудом, глотая пыль старых газет, книг и журналов. Я за нею охочусь, выслеживая и долго бредя по следам. Я ее извлекаю из-под слоя пыли годов и забытья, чищу и бережно отношу в светлое хранилище.

Я — единственный крупный специалист в новой науке МОРИОЛОГИИ (если название этой науки производить от греческого слова «глупость»).

Я — единственный штатный сотрудник первой в мире МОРИОТЕКИ.

К великому огорчению всех, я должен кон-

золюцией: «Г-ну Балинскому в его посягательствах отказать!» Гучков же, в своем выступлении, откровенно признался, что «по своей фантастичности проект метрополитена в городе Москве равен только прорытию Панамского канала.»

★

Во второй половине восемнадцатого столетия, некто Кемплен создал «робота», способного играть в шахматы. Это была сенсация! Опытные игроки, не без дрожи в сердце и руках, садились за игру против холодного автомата. И очень часто, быть может, от страха перед этим монстром — проигрывали ему.

Кончилось все скандалом и разоблачением шарлатана. Оказывается внутри автомата сидел живой и очень опытный игрок в шахматы. Сквозь щель он наблюдал за ходами противника и управлял механизмом руки «робота», передвигавшего фигуры на шахматной доске.

★

В наш век расцвета и гегемонии науки, даже в самых цивилизованных странах, и даже в среде культурнейших людей не исчезли суеверия. К числу таких суеверий относится и число т р и н а д ц а т ь, которое в нашем народе и поныне называют «чортовой дюжиной». Эта «чортова дюжина» еще настолько страшна, что ни в одном отеле Европы вы сегодня не найдете комнаты под № 13, а на конференциях тринадцатого стула, или на приемах тринадцати приглашенных.

Дошло до того, что солидный английский ученый, профессор Стюарт Кирби, в серьезном журнале «Нью Сьенсис», предложил реформу календаря, при которой 13-ое число никогда не попадет на пятницу, что приносит, якобы, двойное несчастье...

★

Антрополог Доктор Лекай из Филадельфии утверждает, что человек, как существо, только потому выжил и не вымер, что он обладал таким нестерпимым запахом, от которого убежали все первобытные животные.

★

Конечно, музейные экспонаты бывают весьма разнообразными, от каких-нибудь старинных микроскопических часиков — до двадцатиметровых скелетов допотопных животных. Но, вот, музей при Смитсоновском Институте в городе Вашингтоне (США) намерен выставить невиданный в мире экспонат. Экспонат этот, по мнению научных сотрудников музея, сейчас уже становится редкостью в США, а потомкам будет служить устрашающим и почти непонятным явлением темного прошлого. Что же это за экспонат? — Нищая лачуга со всем своим типичным оборудованием...

Причем, директор института, мистер Бли-

цер, намерен для обозревателей этого «комплекса бедноты» создать еще и специфическую атмосферу. Электронным путем создать типичные для квартала бедноты шумы, как-то: грохот уличного движения, крики соседей, перебранку, плач детей и т. п. Химическим путем наполнить этот «экспонат» специфическими запахами сырости, затхлости, чада и даже... поселить в нем несколько крыс...

★

К числу благоглупостей в науке относятся также и укоренившиеся предрассудки, ложные понятия и утверждения в области всех наук.

Назовем некоторые из них.

Кто была Клеопатра по-национальности? — «Клеопатра была египтянкой.» — Ничего подобного. Она была гречанкой.

«Прототип шекспировскому Отелло был негр.» — Нет, он был венецианским солдатом, ничего общего не имевшим с черной расой.

«Нерон поджег Рим и взирая на дело рук своих, играл на лире...» — Ложь. Во время пожара Рима, Нерон находился в восьмидесяти километрах от столицы.

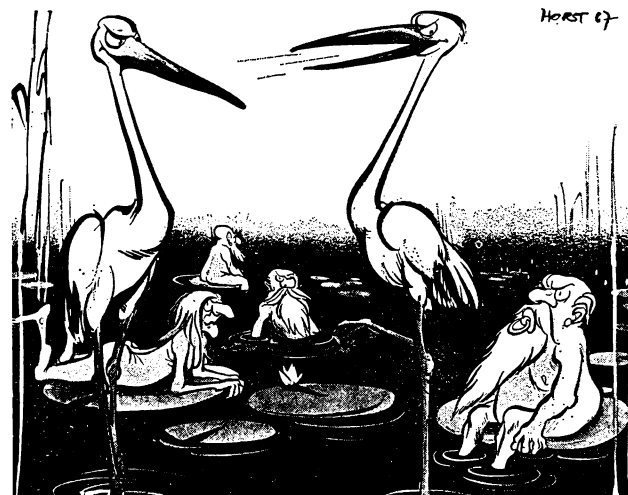
Кто создал алгебру? — «Конечно, арабы!» — Нет, в действительности ее создали индусы.

«Сахара покрыта песками пустыни.» — Неверно. Только одна пятая Сахары — пески, остальное — скалы и камни.

«Красный цвет приводит быка в ярость.» — Нет. Не цвет, а движения платком торреадора приводят его в ярость.

«Обезьяны постоянно ищут блох друг у друга.» — Нет. У обезьян не бывает блох. Они ищут друг у друга крупинки соли, кристаллизовавшейся из пота. И эта соль для них является лакомством.

Собрал: кандидат мориологических наук
И. Ф. Синичкин.

«Эти проклятые анти-бэби пилюли! Годами нет больше заказов!»

(«ГЭ-ЦЭТ» — ФРГ)

ОБЪЯВЛЕНИЯ В СТАРЫХ РУССКИХ ГАЗЕТАХ

Женитесь! Дабы убедиться в дешевизне свадебных карточек, печатаемых в типолитографии Я. Коровицкого. Разъезжая № 6, близ Пяти углов.

На Мало-Охтинском кладбище за отъездом продается склеп на три персоны. Спросить г. зрителя.

Холера грозит! Как избавиться и других избавлять, укажу за 15.000 р. СПб, Гороховая, 39, кв. 4. А. Л.

Скворец (Федя) ручной, говорит, поет все трели соловья, «Цыганский барон». Очень восприимчивый. Прд. за 75 р. экстр. Тучков пер. 20, кв. 44.

Требуется бонна, неподдельная немка, с шитьем, к 1 ребенку 3 лет с аттест. Фонтанка, 40, кв. 21.

Конец миру молва невежд сулит от кометы Галлея, мы же предлагаем всем заметить телефон № 73-82, кто желает вычистить или починить свои ковры. Эртелев пер., д. 5, мастера спецы Горновы.

Лев продается 6-ти месяцев, вскормленный собакой, ласковый, совершенно ручной, живет в комнатах на свободе. Псков. Великолукская, 41, Лединину.

Стоп!!! Не продаст ли кто или не укажет ли, где можно приобрести картину «Бой под Кагулом». Писать: СПб, Разъезжая, 11, кв. 2. С. К.

Бульдог-мать, утратившая своих щенков, ищет купить молочного кровного щенка для усыновления. Кронверкский пр., 59, кв. 8.

Утеряна брошка бриллиантовая, сделана под полено. Нашедшего просят доставить на Французскую наб., 16, кв. 14. Будет выдано вознаграждение.

Женюсь на той барышне, или вдове, которая поставит на должность курьера или сторожа в какое-либо казенное учреждение или 100 руб. награды. Прошу писать: 11 почт. отд. кн. сберкасы № 167612.

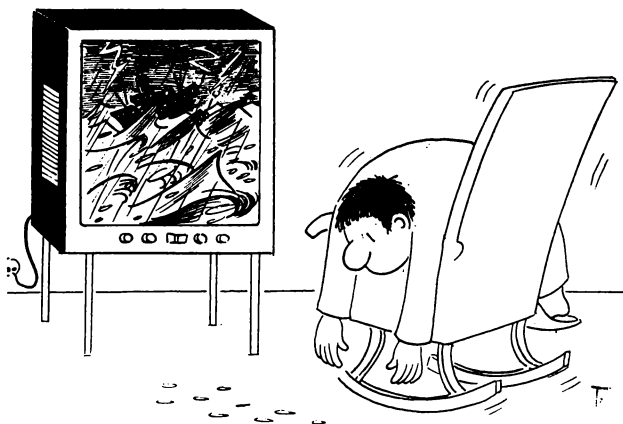
Редкий попугай, серый, совершенно ручной, как собачка бегает, целуется, продается за 100 р. Зоолог. магаз. Муллерт, Караванная, 8.

Истощенное тело, но до гробовой доски беспокойный дух, жаждет переписки с той из

дочерей первочеловека, кто был бы способен, узнав меня, снабдить 6—8 тыс. руб. с возможностью не получить обратно. Кременчуг. До востр. руб. кр. бил. К В 077853.

Чудный андюлацион исполняет парикмахерша, выучившись за границей. Приходит на дом за 1 рубль.

Р. Пряжка, д. 34, кв. 20.

(«Зюдейтше Цайтунг»)

Черным по белому

Объявление в газете «Маннхаеймер Морген» (ФРГ):

«Ищу очень верующего в Бога человека, который мог бы гладить белье у меня на-дому.»

Анонс в газете «Вашингтон пост»:

«Продаю за любую цену неиспользованное подвенечное платье...»

Заметка в еженедельной газете района Гросс-Плэн (штат Техас):

«Несколько дней тому назад мистрисс Юлия Корбетт отпраздновала свой пятидесятилетний День Рождения. Уже шестьдесят пять лет она пользуется большой любовью и популярностью в нашем городе...»

Надпись на одном из жилых домов в Нью-Йорке:

«Сдается в наем прекрасный подвал на шестом этаже, налево...»

Один житель Техаса снова обрел свою потерявшуюся собаку путем такого объявления в местной газете:

«Потерялся или сбежал пес «Шихуахуа». Реагирует также на кличку «Шико». Очень умный пес! Сведущ во внешней и внутренней политике — ибо постоянно дрожит.»

В маленьком театре в Мексико висит такое объявление:

«Запрещается в театре распивать алкогольные напитки! Тем не менее, тому, кто мерзнет, разрешается выпить одну-другую рюмочку. . .»

Плакат в витрине игрушечного магазина в Париже:

«Если ты видишь здесь то, что ты хотел бы иметь — скажи своей бабушке!»

На фабрике фейерверка в Италии на черной доске висит объявление:

«Все добровольные доноры крови должны сегодня присутствовать в два часа дня в тире для стрельбы из малокалиберных ружей! . .»

На бирже труда в городе Бромлэй (Англия) висит объявление:

«Срочно ищут приятную по внешности девушку, способную стоять неподвижно. . . как партнершу для циркового артиста-метателя ножей. . .»

Плакат на одной из ремонтных мастерских в Нью-Йорке:

«Мы приводим в порядок все, что вы испортили дома на досуге, под лозунгом: «Делай все сам!». Никаких лишних вопросов! Все остается в секрете от вашей супруги. . .»

На Западе спичечные коробки украшают разноцветные и остроумные рекламные этикетки. Иногда они рекламируют и страховые общества. На одной из коробок стояло:

«Перед зажиганием — закрывайте коробку. Особенно, если вы застрахованы у нас! . .»

Надпись в английском клубе игры в гольф в Африке:

«В том случае, когда мяч останавливается в опасной близости к крокодилу или носорогу, разрешается играть другим мячом. . .»

Большой плакат на одной автостраде в Соединенных Штатах:

«Езжай так, как будто в автомашине, которая едет впереди тебя. . . сидит вся твоя семья! . .»

На автостраде в Норвегии, у входа в один ресторан была повешена большая надпись: «Здесь говорят на восьми языках мира!»

Когда один гость попытался заговорить с хозяином ресторана сначала на английском, потом на французском и немецком языках, то тот ничего не понял.

«Кто же тут говорит на восьми языках мира?!» — закричал гость по-норвежски.

«Гости!» — ответил хозяин ресторана.

Надпись в английском баре:

«Очень вредно пить на пустой кошелек!»

Иногда среди газетных объявлений попадаются редкостные экземпляры. Вот один из них из лондонской газеты «Таймс»:

«Ищу хорошие и не скарбезные анекдоты для одной из моих речей. Если я использую их, и мои слушатели будут смеяться — за каждый такой анекдот отправитель получит от меня бутылку шампанского. Конечно, — французского!»

Плакат в одном из парижских косметических салонов:

«Вам нужно изменить только ваш год рождения. Остальное — беремся изменить мы!»

Косметический салон в Чикаго пошел в своем рекламном плакате еще дальше:

«Если вам много лет, и ваше лицо полно разных различных изъянов и морщин — приходите к нам! Нас ничем не испугаешь!»

На черной доске в одной из церквей Лондона было помещено такое воззвание пастора:

«Просьба хорошо присматривать за вашими сумками и кошельками, ибо еще не все посетители церковной службы обращены в праведников! . .»

Юморески

Человек, желающий снять комнату в новом доме, говорит домовладельцу: «Все хорошо, но в комнате очень низкий потолок. . .» — «Это тоже имеет свое преимущество. Если иногда от счета за квартиру у вас волосы станут дыбом, вы можете ими обметать пыль с потолка.»

Новый рекорд торопливости:

«Скорей целуйте меня! Мой муж уронил очки в стакан с вином!»

Ассистентка спрашивает разъяренно мечущегося по кабинету врача: «Что с вами случилось? Чего вы выходите из себя?!» — «Выйдешь из себя! . . Два года я лечу пациента от желтухи, и сегодня выясняется, что он — китаец! . .»

Один миссионер в Новой Гвинее издал словарь языка папуасов. Папуасы пользуются для некоторых понятий весьма сложными

словами. Так например, если перевести с языка папуасов на русский понятие пианино или рояля, то оно звучит так: «Большой ящик — ударь по его зубам — и он кричит.»

В итальянском городе Терамо, между двумя мужчинами произошла «пожирательная дуэль». Одна девица обещала выйти замуж за того, кто съест больше другого. Оба дуэлянта проглотили в один присест три тарелки макарон, жареную курицу, двадцать колбас, десять яиц, шестнадцать бифштексов и половину торта. Победителю красавица холодно заявила:

«Я затеяла все это только с тем, чтобы поглядеть на веселое зрелище: как мужчины обжираются до смерти. . . Я и не думаю выходить замуж за обжору. . .»

Одно парижское кабаре оборудовало телефонную кабину магнитофоном с лентами, на которых записаны трескот пишущих машин, шум голосов на конференциях и заседаниях. Цель этого новшества — помочь мужской половине гостей кабаре в том случае, если они звонят своим супругам и заверяют их, что находятся еще в бюро или на заседании.

В Иране был оперирован один плотник. При операции, в его желудке были обнаружены: нож, 160 гвоздей и одна ложка. Очнувшись от наркоза, плотник сказал: «Гвозди я ем охотно. Но как очутились в моем брюхе нож и ложка — я не знаю. Они никогда не вызывали во мне аппетита. . . Должно быть я их проглотил в состоянии помрачения рассудка. . .»

В Мельбурне перед судом предстал некто Ральф Крегер, ибо он пытался заплатить за зубной протез фальшивыми банкнотами. Единственное оправдание, которое он высказал перед судом, звучало так: «Да, деньги были фальшивыми, но и зубы тоже были фальшивыми. . .»

★

Кельнер поймал молодого человека на том, что тот старательно вычеркивал многие блюда из меню. . .

«Что это вы еще выдумали?!»

Молодой человек умоляюще обратился к кельнеру:

«Я прошу вас: не выдавайте меня! С минуты на минуту должна прийти моя девушка, и я вычеркнул все те блюда, на которые у меня не хватит денег. . .»

Заведующий отделом говорит своей секретарше:

«Милая моя, с работой вы отстали на три недели, но в ваших перерывах на питье кофе

вы уже выполнили план на три месяца вперед.»

В квартире датского атомного физика, Нильса Бора, висела лошадиная подкова над дверью. Один из гостей Бора поразился:

«Как можете вы, человек передовой науки, верить в то, что старые подковы приносят счастье?!»

«Конечно, я в это не верю», — отвечал Нильс Бор, — «но мне говорили, что подкова приносит счастье всякому, независимо от того: верит он в подкову, или не верит.»

Карэн и Михаэль, семилетние детишки, разговаривают о тайне родов младенца.

«Веришь ты еще в аиста?» — спрашивает девочка.

«Чепуха! Для восьми фунтов веса младенца у аиста чересчур малый размах крыльев.»

Прислуга в больших городах невероятно избалована, требовательна и ее найти весьма трудно. Об этом свидетельствует такой новый анекдот:

Хозяин спрашивает горничную:

«Вы не видели моей жены? Куда она пропала?»

«Она поехала в мой апартамент.»

«Что? В ваш апартамент? . . .»

«Да.»

«Что она еще там ищет?»

«Ничего. Она просто моет там полы.»

Житель большого города говорит своей жене:

«Идем, милая! Зайдем домой, чтобы глотнуть свежего воздуха!»

В отдел «письма наших читателей» одной из немецких газет поступило такое послание юной читательницы:

«Мать просто тиранизирует меня: «Повесь твои платья!», «Не горбись в кресле!», «Говори медленнее!», «Поставь потише телевизор!» Что я должна делать, бедная и незащищенная девушка?»

Ответ: «Вешайте ваши платья. Сидите не горбясь в кресле. Говорите медленнее и поставьте потише телевизор!»

В некоторых автомобильных салонах американской фирмы «Дженерал моторс» установлены счетные автоматы для покупателей автомашин, а в них вделаны и небольшие «электронные мозги», которые способны отгадывать возраст покупателя, если он ответит на несколько вопросов компьютера. Один из вопросов гласит: «Вы женщина?» И если ответ гласит: «да», то неизменно из аппарата доносится: «Вам только двадцать один год! . . .»

СКОМОРОХ

ИЗ СОДЕРЖАНИЯ ГОТОВЯЩЕГОСЯ К ПЕЧАТИ

№ 2-го «СКОМОРОХА» :

- О том, как шильдбюргеры из мудрецов превратились в глупцов.
- История о молодом человеке и серой мышке из Северного отеля.
- Анекдоты о скупцах.
- Безразмерный наперсток.
- Мориотека: Зал умопомрачающих рекордов.
- Четыре самых коротких в мире рассказика.
- Советы лицам, жаждущим вдребезги разбить цепи Гименея.

ПРИНИМАЮТСЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ!

Цена — 75 амер. центов за строку в 34 печ.
знака.

.....

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЬСТВА «СКОМОРОХА»:

N. Gortschakow, Western Germany, 8000 München 1, Schliessfach Nr. 361.

.....

Обложка и заставка к «Ходже Насреддину» работы Константина Рудакова.

Цена номера — 50 амер. центов.